

Светлана МАТЛИНА родилась в селе Новая Малыкла Ульяновской области, окончила Ульяновский педагогический институт имени Ильи Николаевича Ульянова. Автор более 40 книг стихотворений и прозы. Светлана Матлина – член Союза писателей России, лауреат литературной премии им. И.А. Гончарова, лауреат поэтической премии им. Николая Благова.

ЛЮТИКИ

*Я солдат ещё живой!
А Твардовский, поэма «Василий Теркин»*

Припекает апрельское солнышко. То там, то здесь лезет из влажной земли упрямая празелень, та, что первая салютует весне: мать-и-мачеха, одуванчики, полынки. Яркая желтизна радует глаз, играет всю нежная молодая сила жизни, притягивает к себе властно.

Мы с соседом Ильей Михайловичем Павловым сидим на лавочке, любимся.

«Для меня желтый цвет – память о войне, – говорит мне Илья Михайлович. – Есть такой маленький цветочек – лютик едкий. Растет в сырых местах, на лугах. Вот он-то и спас мне жизнь...»

Илья Михайлович снимает свою соломенную шляпу (без головного убора я его за все годы ни разу не видела, он всегда с покрытой головой) и показывает мне следы операционных швов.

«Железная пластина у меня здесь – и здесь, – показывает рукою. – Вся голова пробита была...»

Когда началась война, Илье Павлову, худенькому шустрому подростку, было далеко до восемнадцати. Тех самых восемнадцати, после которых можно явиться в военкомат, как сделали все мужчины в родном краю. Парнишка сильно горевал, что возрастом не вышел, его сердце рвалось вслед за ушедшими на фронт с оружием в руках защищать Родину, мирную жизнь.

Он, вчерашний фэзэошник, работал на ленинградском авиационном заводе, который был теперь вместе с рабочими и инженерами эвакуирован на Урал, в Нижний Тагил.

Как только фашистов разбили под Москвой, завод перебазировался в столицу. Товарищей Ильи, как и его самого, утешало лишь то, что их завод был экспериментальный и находился непосредственно под контролем Сталина, а значит, особенно важный в такое тяжкое время.

И все-таки Илья Павлов добился, чтобы его направили в военное училище в город Тулу, где выпускали пулеметчиков. Затем – Первый Прибалтийский фронт, 51-я дивизия, 154-й гвардейский полк. Служил при штабе оперативным дежурным, обучал прибывших солдат-новобранцев, участвовал в боях.

Но никогда не представлял себе младший лейтенант Павлов, что примет свою воинскую судьбу скоро и сквозь какие нечеловеческие муки пройдет и все выдержит.

Шел уже 1944 год. Вовсю развертывалась операция «Багратион», и с уст окрыленных бойцов не сходило имя генерала И.Х. Баграмяна, под командованием которого они находились. Целых четыре фронта готовили большое наступление: Первый Прибалтийский фронт, Первый, Второй и Третий Белорусские фронты.

Как известно, «Багратион» – одна из крупнейших наступательных операций, проведена 23 июня – 29 августа 1944 года с целью разгрома немецко-фашистских групп армий «Центр» и освобождения Белоруссии.

Оборонительные немецкие полосы проходили, как правило, по западным берегам многочисленных рек, имевших широкие заболоченные поймы.

Группа армий «Центр» потерпела катастрофическое поражение.

Группа армий «Север» оказалась изолированной в Прибалтике. За время Багратионовской операции 17 дивизий и 3 бригады противника были полностью уничтожены, 50 дивизий лишились половины своего состава. Гитлеровцы потеряли убитыми, ранеными и пленными около 500 тысяч человек. Советские войска завершили освобождение Белорусской ССР, освободили часть Литовской и Латвийской ССР.

20 июля вступили на территорию Польши и 17 августа подошли к границам Восточной Пруссии. К 29 августа они достигли рубежа западнее Елгавы, Добеле, Шяуляя, реки Вислы.

Поражение в Белоруссии, Прибалтике и Польше резко ухудшило положение фашистской Германии. В ходе операции советские воины показали высокое боевое мастерство и массовый героизм. Многим сотням воинов присвоено звание Героя Советского Союза.

Только за июль-август свыше 400 тысяч солдат и офицеров награждены орденами и медалями.

Эти данные зафиксированы в энциклопедии. Скупые цифры, немногословный перечень освобожденных территорий стран, строгая хроника событий. А за ними – простой живой русский человек, взявший в руки винтовку и ставший солдатом. Жертвующий своей жизнью ради Победы.

То, о чем я рассказываю, как раз и произошло в Литве, под Елгавой.

Илья Павлову и его бойцам приказано было провести разведку боем перед началом операции.

Разведка боем! Кто воевал, тому не стоит объяснять, что это такое. Дело предстояло жестокое и необходимое: проникнуть на территорию врага и вызвать огонь на себя, чтобы обнаружили огневые точки противника.

Это сухим армейским языком. А попросту – не пожалеть своей жизни ради тех ребят, которые пой-

дут следом в наступление, сберечь их и не сорвать операцию.

«Стрелковая рота, в которой я был, – вспоминает Илья Михайлович, – полегла в том бою почти полностью. 98 человек были убиты, в живых осталось только трое. А меня немцы хотели взять в плен...»

Прорвались сквозь вражескую оборону они быстро, при сильном обстреле. Палили из орудий и наши, и фашисты. Наши, само собой, для прикрытия.

Командира роты тяжело ранило сразу, и дальше за него оставался Илья Павлов.

Стрелки-разведчики выполнили свое задание, они сделали так, чтобы артиллерийский огонь отодвинулся дальше на сто пятьдесят метров. Павлов послал связного с донесением в штаб.

А бой продолжался. Полоса огня и с той, и с этой стороны. Творилось светопреставление просто! Самого Илью прошло автоматной очередью. Это было 24 августа 1944 года.

Очнулся младший лейтенант: стоит перед ним немец, не добывает, собирается в плен взять. Командует, чтоб поднимался. А у Ильи – только гранаты Ф-1 остались, оружия нет в руках.

Все плывет перед глазами, весь израненный. Неужто пришел последний час?

В плен Павлов решил не сдаваться. Подождал, пока немец подойдет поближе, и пнул ему сапогом в печеньку. Немец свалился на лежащего Илью.

Метрах в пятнадцати – двадцати появляются еще два фашиста. Идут на него и кричат: «Шнель! Шнель!»

Взял парень гранату, хотел чеку вынуть из взрывателя, чтобы подорваться вместе с ними. И вдруг ощутил, что левая рука перебита. Подпуская немцев ближе и ближе, все пытался справиться с гранатой.

Все происходило очень быстро. Столкнул с себя первого фашиста, бросил гранату. Она взорвалась. Видел, как фашиста стянуло всего. А тех двоих не увидел: исчезли и все.

Лежит Илья и думает, что могут и еще немцы появиться. Надо прятаться. С трудом перевернулся на спину и пополз туда, где поле густого овса колышется. Сколько так полз, не помнит. Ведь целый день стрелки вели бой. Полз, а по земле за ним тянулся кровавый след.

Кажется ему все, что догоняют его немцы. Долго пытался встать, чтобы хорошенько оглядеться – и встал наконец! И вдруг, как кувалдой по голове стукнуло, так показалось.

– А это снайпер ихний бил. В лоб попал, в кость. А, может, нарочно туда метил, чтоб позабавиться.

Рухнул Илья ничком, как мешок. Но сознания не потерял.

Отлежался. И во второй раз, опершись на правую здоровую руку, поднялся во весь рост. Метров двадцать прошел – не стал хорониться. Злость праведная его взяла. Шёл, шатаясь, придерживая руками простреленный кровотокающий живот, шел и бормотал, как в полубреду: «Огонь на себя, так огонь на себя! Стреляй, фашистская сволочь!»

... Все равно получите в наступление от наших подарки! И будем мы вас бить, пока не изгоним со своей земли до последнего гада...»

И опять почувствовал сильный удар в голову – в то же место. Развлекался снайпер.

И закружилась свет в глазах, и упал боец лицом вниз, на луговую траву.

Когда снова пришел в себя, увидел лужу собственной крови, а сверху мозговая жидкость плавает.

Оторопел от увиденного: как же я жить буду?

Лежит младший лейтенант Павлов, истекает кро-

вью. Жажда его мучит все сильнее.

Родина, родина! Слышишь ли, как трудно бьется сердце молодое, обожженное войной?

Как не хочется умирать в самом начале жизни!

Хотя и сама ты в разрухе, на пепелище, и самой тебе тяжко – услышишь ли?

Но она услышала, дала своей материнской силы!

Иначе как поверить в то, что кажется сказкой про чудесное исцеление? Привлекло взгляд Ильи желтенькое на зеленом. Как взрывчики – цветы по всему лугу!

Зелена трава пьянит глаза. Желтизна поверху. И ахнул про себя Илья: это же лютики!

Лютики, лютик едкий, как в народе известно. И вспомнилось детство мгновенной картинкой.

Шагают они с матерью по раздолью на родине, а луга – точно в таких же блестящих мелких цветочках золотых. И тянется мальчонка к цветку, чтоб сорвать, а мать говорит ласково: «Это, сыночек, лютик. Лютый, ядовитый. Не трогай, от него умереть можно».

Подумал боец, что это сейчас как раз то, что надо. Сам уже не жилец, да еще немцы могут нагрнуть, помучить. Ртом ухватил несколько стебельков, выдержнул. Разжевал... и выплюнул. Не хочется умирать по-глупому.

А дышится все труднее, труднее. Снова решился: сорвал лютиков и проглотил.

Сразу же сильно дернуло руки-ноги. И кровь остановилась!

Вдалеке замаячила фигура солдата. Павлов начал судорожно щупать вокруг себя траву, искать винтовку, гранату. А солдат кричит: «Товарищ командир! Снайперы бьют!»

Узнал Павлов своего связного.

– Где рота?

– Вся здесь лежит.

– Где раненные?

– Собираемся у реки. Туда ползите. А я еще раненных поищу.

Обрадовался младший лейтенант Павлов всей душой. Сила опять появилась. И какая-то отчаянная радость и дерзость: встал и зашагал вперед, к реке, качаясь от слабости – вот вы, гады, меня расстреливаете, а я, солдат, все равно живой, я снова встаю!

Пули свищут, снаряды рвутся и впереди, и сзади, но тела не трогают. Понял Павлов, что снова за ним охотятся, в «вилку» берут. Видно, никак в толк не возьмут, почему он до сих пор живой. Может, пари заключают, сколько он, этот железный русский, еще продержится.

Он и поднялся: весь в кровище, изуродованный. И все же он стоял, улыбался страшной улыбкой, грозя кулаком в полубреду фашистскому снайперу: «Живым не возьмете! Не сдамся!»

Младший лейтенант спокойно на глазах изумленных снайперов миновал луг и встал на берегу реки, которую утром они с ребятами перебежали, – как же давно это было!

И снова видит вдруг, как в тумане: с другого берега два солдата спускаются к нему...

Павлов закрыл глаза... и с размаху бросился с обрывистого края в реку. Лучше утонуть, чем в плен.

В третий раз сильно стукнуло его в голову – третья снайперская пуля.

Раскрыл глаза и увидел родные лица своих стрелков! Они, все раненные, наблюдали эту картину и заранее руки крестом сложили там, внизу, подхватили тело. И с ними рядом подошедшее подкрепление.

Свои ребята.

Дальше Илью Павлова переправляли в санчасть

на собаках, на лошади, санитарным поездом. Самолетом доставили в Москву в эвакуогоспиталь.

Генерал-лейтенант по фамилии Попов все спрашивал у Ильи имя-отчество. Генерал знал, что когда Павлова отправили из медсанбата, то написали в карточке: погребен вне очереди. А отправлен с живыми. Никто из врачей не верил, что боец выживет.

Хорошо, что Илья не ведал про то, потому и был спокоен. Хорошо, что никто не сказал ему, что отцу и матери пришла на него похоронка...

В госпитале он пролежал год. Перенес четыре сложнейшие операции на мозге. Оперировал его главный хирург военного госпиталя имени Бурденко профессор Голованов. Имя своего спасителя Павлов запомнил навеки.

Но и тот не верил, что смерть обойдет стороной героя. В то время люди уже приходили посмотреть на Павлова, звали его человеком-легендой.

После одной из таких мучительных и опасных операций пришел в сознание Илья Павлов среди глубокой ночи. Спрашивает у соседей по палате дать прикурить.

Никто ни слова, ни движения в ответ. Понял тогда, что среди смертников находится, есть в госпитале такая палата для безнадежных.

Поднялся и пошел прочь, пошатываясь, точно пьяный после наркоза: на смерть он уже насмотрелся.

– К солдатам хочу!

Дали ему солдаты кровать на ночь в своей палате.

Дали прикурить.

Наутро ищут Илью по всему госпиталю и не могут отыскать. И среди умерших нет. Профессор Голованов велел строго-настрою, чтоб к обеду нашли.

А Илья сам вышел к обеду в коридор. Медсестра аж вскрикнула, увидев его. А профессор промолвил, когда доложили: «Вот он, русский характер! Раз так, то жить будет!»

Еще одна, последняя операция – и все на лад пошло. Молодой организм и сила воли взяли свое.

Комиссовался Павлов в 1945 году. Награда нашла его спустя год. За разведку боем Илья Михайлович Павлов был награжден орденом Красной Звезды.

Шел ему тогда двадцать первый год.

Русь моя, Русь! Много на тебе было, и есть, и будет таких же, как младший лейтенант Илья Павлов: незаметных, искренних сердец, клавиших жизнь свою за тебя.

Измостили тебя телами своими, а врагу не дали.

И сколько их еще лежат без погребения, которые значатся официально без вести пропавшими...

И колокол по всем гудит торжественной тягучей скорбной медью над простором бескрайним!

Все перетерпели, и терпят, и будут терпеть ради жизни твоей.

Откуда силы только берутся, а, Русь?

Не ты ли подпитываешь своими соками?

И только пронзительная синева твоя – как нерасплесканная чаша с поминальным горячим вином над одетой в черную рубаху землю – каждый раз в помин, каждой весной.

Слава! Слава вам, жертвенные горячие сердца русских солдат!

Вечная память и поклон подвигу вашему.

«Массовый героизм», – скажут после историки. Да, это так. И этой Победы у нас никому не отнять, как бы ни старались, как бы ни старались надругаться неблагодарные в некоторых освобожденных вами странах, где после войны вас встречали с цветами.

Лютики вы, лютики, ах вы, цветики едкие...